

Операционный день

Кардиохирург Лео Бокерия — персонаж сугубо положительный, почти символ мирового добра. Врач. Хирург. Спасает жизни.

Список научных открытий занимает несколько страниц мелким шрифтом. Перечень наград — еще страницу. Примерно столько же — перечисление должностей и званий: член Общественной палаты, президент Лиги здоровья нации... К тому же в конце декабря у него юбилей — 70 лет. Просятся пафосные формулировки, что-то вроде «большое сердце Лео Бокерия». Мы провели со знаменитым хирургом весь день. Десять часов простояли рядом с ним на операции. Пафоса так и не заметили.

Лео Бокерия

6.45.

Окраина Москвы. Рядом Рублевское шоссе. Мы стоим у здания Научного центра сердечно-сосудистой хирургии им. А. Н. Бакулева, в просторечии Бакулевки. В рекламных материалах его еще называют Дом сердца.

Этот центр считается самым крупным в мире, по крайней мере детей с врожденным пороком сердца здесь оперируют больше, чем в любом другом месте планеты: таких операций тут делают 3700 в год, а в самой большой американской клинике в Бостоне — 1000.

Лео Бокерия пришел сюда после аспирантуры еще в 1968 году. Правда, тогда Институт сердечно-сосудистой хирургии располагался в куда более скромном здании. Нынешние корпуса, больше напоминающие пятизвездочную гостиницу, — в числе заслуг Бокерия, только уже не как врача, а как администратора, умеющего налаживать отношения на самых разных уровнях, от прораба до президента.

7.20.

Кабинет директора. При входе — клятва Гиппократова, на столе у секретаря бумаги: «семья N выражает благодарность за спасение жизни М...», «приглашаем принять участие в конференции по...», «смета расходов на...».

Заходим в кабинет. Массивная мебель, кажется, в стиле ампира. На полу, на полках, на столах сувениры. Самый заметный — плюшевый лев чуть ли не в натуральную величину. Ассоциация прозрачная: Лео — лев.

7.30.

Заходит Бокерия. Он уже успел переодеться для операции. Бледно-зеленый балахон хирурга как-то странно смотрится в дорогом кабинете. Уместнее было бы что-нибудь от Армани.

— У меня через пятнадцать минут операция. Давайте пока поговорим.

— Мы хотели бы побеседовать о таком понятии, как время...

— Ну, время так время. Пожалуйста.

Лео Бокерия — рекордсмен среди российских медиков по количеству интервью. Его спрашивают о чем угодно: о системе медицинского страхования, о супружеских изменах, о здоровом питании, о грузино-осетинском конфликте. Мы вот спросили про время.

— Мое личное время определяется прежде всего сном. Сплю я примерно по шесть часов в сутки. Вот это я очень точно для себя определяю: где бы я ни был, стараюсь ложиться в одно и то же время: в двенадцать — в начале первого. Встаю я где-то в шесть тридцать. А дальше... У меня же очень простой график жизни: я прихожу в институт, за пятнадцать минут успеваю поговорить с двумя-тремя людьми и ухожу в операционную. Когда я возвращаюсь после операций, у меня, как правило, достаточно много встреч с сотрудниками, с гостями, и телефонные есть дела, и почта. Обычно почты за день набегают очень много. Это с виду она вот такая (показывает пальцами размер кипы), а ведь все надо прочитать, что-то написать там... Потом приходят ответы и так далее. Домой я прихожу в девять-десять часов, иногда в половине одиннадцатого. Одним глазом смотрю бокс или футбол, другим глазом ем, третьим — читаю почту или подписываю какие-нибудь документы... Моя жизнь предельно примитивна, за редким исключением, когда раз в два месяца удается пойти куда-то, послушать или посмотреть что-то...

Время, отпущенное на первую часть интервью, истекло.

7.45.

Бокерия знаменит тем, что допускает журналистов в святая святых — в операционную. Непонятно, как это рассматривать — как пиар-ход, как открытость или просто как нехватку времени на долгие разговоры.

Отправляемся в операционный блок. Система защиты вызывает ассоциацию с военной базой.

Переодеваемся. Бахилы, балахон, шапка, маска. Неприкрытыми остаются только кисти рук и глаза. Теперь нас можно спутать с любым из медиков. Даже немножко неудобно, будто тыловики надели гвардейскую форму.

Через пару часов мы научимся определять статус человека, несмотря на этот камуфляж. То ли осанка, то ли уверенность в движениях позволяет отличить маститого хирурга от медбрата. И еще маленькая деталь: простые врачи и медсестры завязывают обе тесемки маски на затылке, а оперирующие хирурги пропускают верхнюю ленточку под ухом и узел затягивают на макушке. Бокерия потом попытался нам объяснить:

— Наверное, хирурги более ответственно относятся к стерильности. Все-таки они находятся ближе к больному...

8.05.

Операционная. Холодно и очень светло. У операционного стола бригада: сам Бокерия, медсестра, двое молодых хирургов-ассистентов. Неподдалеку анестезиологи. Они уже сделали свое дело и теперь неторопливо поглядывают на приборы, поддерживающие наркоз.

Выбираем место поудобнее и начинаем смотреть. Вдруг к нам бросается анестезиолог и чуть ли не силой перемещает в другой конец зала. Кажется, он даже матерится, хотя из-под маски не слышно. Оказывается, мы встали около резервного стола с хирургическими инструментами. А здесь все стерильно. Очень стерильно.

Бокерия сложно узнать: помимо маски его лицо закрывают толстые очки с дополнительными линзами. Операция на сердце — дело тонкое, а тут еще работают с ребенком.

Вокруг очень тихо. Лишь время от времени стучит автоматическая дверь, пропуская медсестер с коробками — в них растворы и медикаменты. Бокерия говорит так, что можно услышать, только став почти рядом. Это вам

не интервью.

— Смотрите, оно натянулось, закрылось...

— Вот эта комиссура...

— Два пинцета дай...

— Отсос дайте...

— Вот так лучше стало, значительно...

Голос очень спокойный, как будто усталый дедушка говорит с внуком. Лишь один раз Бокерия взорвался на молодого ассистента:

— Делать нужно как надо, а не как удобнее!

А потом снова миролюбиво-деловитое:

— Дайте ножницы...

— Стол вверх и на меня...

Порой можно обойтись и без слов. Бокерия протягивает руку, и медсестра уже понимает, какой именно инструмент в нее нужно вложить.

Пациента практически не видно. Из-под простыней виднеется только макушка, едва покрытая волосиками. Медбрат объясняет: этому ребенку четыре месяца.

— Каждый год в России рождаются почти 25 тысяч детей с врожденными пороками сердца, — приводит печальную статистику Бокерия. — Больше половины из них нуждаются в срочной операции. Если ее не сделать, то 70% погибнут, не дожив до года. Это все очень грустно. Но, с другой стороны, если вовремя прооперировать, то 97% детей становятся совершенно здоровыми людьми.

Сейчас как раз исполняется десять лет акции «Прикоснись к сердцу ребенка», которая началась в 1999 году по инициативе Бокерия. Помимо сбора средств на лечение и поездки хирургов по регионам в нее входит футбольный матч.

— Идея состояла в том, чтобы показать, что дети, которые перенесли операции на сердце, могут хорошо играть в футбол, — вспоминает Лео Бокерия. — В первый раз против наших бывших пациентов играла команда «Хит-FM», которую возглавлял Олег Газманов. Кстати, наши ребята выиграли. Но футбол — это, конечно не все. Во время нашей акции тысячи детей в регионах получили бесплатную медицинскую консультацию, а сотням у нас в центре была оказана хирургическая помощь.

Собственно, Бокерия не только врач, но и общественный деятель. Среди его главных проектов — Лига здоровья нации, которая занимается и сбором средств на лечение детей, и просветительской работой, и всевозможными консультациями, и борьбой за здоровый образ жизни.

Вот стоит человек, вроде бы ни о чем, кроме операции, не думает, а по всей стране по его инициативе проводятся акции, выезжают специалисты, обследуются тысячи людей.

9.15.

Операция продолжается. У изголовья стола стоит небольшая лесенка. Забравшись на нее, можно посмотреть, что делают хирурги. Она редко пустует. Вот молоденькая медсестра следит за движениями Бокерия. В ее позе читается почти что благоговение, словно монашка слушает проповедь епископа. Вслед за ней на ступеньках оказывается брутальный хирург из соседней операционной. Он вполголоса согласовывает с Бокерия график операций. И тоже внимательно следит за движениями рук и скальпелей.

Наконец место освобождается, и мы можем попасть на «смотровую площадку». Из разреза торчат нитки, длинные резинки, толстые пластмассовые трубки. Можно рассмотреть сердце. Оно совсем маленькое, размером с грецкий орех. Видны какие-то белые и розовые лоскутки.

Вот уже час сердце стоит. Вместо него работает АИК — аппарат искусственного кровообращения. По трубкам

кровь перекачивается в прозрачную емкость, напоминающую трехлитровую банку. Ее насыщают кислородом и возвращают обратно в тело. Слышно неприятное хлюпанье.

За жизнью пациента следит множество аппаратов. Датчики, вращающиеся колесики под стеклом, мониторы, пульт, лампы, какой-то совсем непонятный ящик, емкости с препаратами для анестезии, снова монитор. На одном из приборов, напичканных электроникой, притаились маленькие иконки с изображением Богородицы и святой Елизаветы. Действительно, не у Дарвина же искать поддержки...

10.22.

Раздается команда: «Греем!» Это примерно как крик «Земля!» после многомесячного плавания. Во время операции тело охлаждено. Мы с легким ужасом наблюдали, как медсестра периодически засыпала колотый лед.

Сейчас операция заканчивается, и телу возвращают привычную температуру. Зеленая линия на мониторе изгибается раз. Еще раз, еще. Все чаще и чаще. Слышим успокаивающий голос:

— Мы имеем дело со стандартной ситуацией, все идет так, как должно идти. Сейчас отпустили артерию, сейчас открыли аорту, потихонечку начнем дышать.

10.35.

Выходим из операционной. В коридоре Бокерия объясняет нам, что, собственно, происходило эти два с половиной часа:

— Сложная была операция. В норме от сердца должна отходить и легочная артерия, и аорта. А здесь выходил только один сосуд, только аорта, а артерия уже шла от нее. В результате кровь, насыщенная кислородом из легких, не могла уходить к органам. Ситуация осложнилась еще тем, что в аорте неправильно работал клапан. В этом возрасте протезировать его нечем, таких маленьких клапанов просто не делают. Было нужно реконструировать этот клапан. Я откорректировал клапан, функция вроде

хорошая получилась.

— Вы много оперируете детей?

— Я стараюсь делать 50% детей и 50% взрослых. Получается и так: делаю трех детей и двоих взрослых.

— Насколько типично для директора крупного института такое количество операций в день?

— Это типично для многих клиник. Но раньше, когда работал заместителем директора, я уходил в операционную в одиннадцать часов утра. К этому времени я уже был измученный, замученный всеми вопросами, которые начинал решать с восьми часов. Приходил из операционной уже без сил, хотя мне и лет было меньше... А когда мы стали переезжать, я решил перенести сюда такой американский стиль работы. В итоге получается 17–18 операций в неделю.

— Ваша работа очень напряженная. Ни секунды присесть, выпить кофе. Как вы отдыхаете между операциями?

— Как отдыхаю? Очень просто. По дороге из одной операционной в другую. Это и есть весь отдых...

10.50.

Снова операционная. Уже другая. Снова тишина, остановленное сердце, трубки, часы на стене, множество приборов и две маленькие иконки.

И опять маленькое сердце. Кажется дряблым. Вдобавок к пороку сердца у этого младенца болезнь Дауна. Эти два недуга часто идут вместе.

Ножницами хирург делает малюсенький надрез.

— Пинцет...

— Так, уже лучше...

12.35.

Раздается финальное: «Греем!» Тело начинает возвращаться к жизни. Бокерия благодарит бригаду и уходит. Работа в операционной на этом не кончается. Но после того как сердце запущено, главному российскому кардиохирургу уже делать нечего. Он экономит время.

12.50.

Продолжаем пытаться взять интервью.

— Скажите, те двое детей, которых вы сегодня оперировали, — с ними все будет нормально? Они будут жить?

— Ну, тут все удачно должно быть... Эти дети маловесные, требуют очень серьезного выхаживания. Но операции прошли успешно.

— Вообще много больных не выдерживают хирургического вмешательства? Говорят, что у каждого врача есть свое маленькое кладбище...

— На операционном столе вероятность летального исхода небольшая. Есть заболевания, при которых смертность — ноль. Статистика для самых сложных случаев: 5–7% не удается спасти. Любая патология излечима, если вовремя обратиться к врачу. Гораздо страшнее пустить болезнь на самотек. Наплевательское отношение к себе — национальный стандарт. За свое разгильдяйство платим: от болезней сердца умирают пятьдесят семь человек из ста. Наркоманов, алкоголиков, жертв несчастных случаев, вместе взятых, меньше, чем сердечников. Отсюда средняя продолжительность жизни — 60 лет. В странах, где кардиохирургия популярна, люди живут 80 лет. Очень часто люди отказываются от лечения, мы с этим сталкиваемся, — Бокерия вздыхает.

Тема несвоевременного обращения к врачам — большая для большинства медиков, которым приходится конкурировать с «народно-телевизионной» медициной. В Бакулевке известен случай: мать забрала свою маленькую дочку с операционного стола после того, как по телевизору сказали: единственный способ избавиться от врожденного порока сердца — пройтись по бутылочным стеклам. Девочка умерла.

— Скажите, для вас смерть не стала чем-то обыденным?

— Да нет... Этот вопрос часто задают. Нет, это очень тяжелые переживания, поверьте мне. Притом что, как мне кажется, я допускаю мало ошибок, как мне кажется, потому что опыт очень большой. Но это всегда, конечно, жуткие

переживания. Ты познакомился с больным, поговорил с его родственниками, ты берешь его и практически уверен, что все будет нормально... С другой стороны, за эти годы у меня выработалось понимание того, что я сделал максимум.

— Лично для вас что значит слово «смерть»?

— Для меня смерть очень много значит, — голос Бокерия становится тише и грустнее. — Это — потеря человека. Я смерти отца не помню, был маленький, а вот когда умерла мама... Несколько друзей близких я потерял. Это — очень серьезная опустошенность. Она потом преследует тебя долгие годы. Обычно с друзьями связаны какие-то смешные истории. Ты начинаешь рассказывать какую-то байку: «А вот мы тогда с ним...» А потом осекаешься — этого человека уже нет... Простите, мне нужно на операцию.

13.15.

Комната перед операционной. Помыть руки. Сначала одним специальным средством, потом другим. Затем просушить. Медсестра протягивает Бокерия резиновую перчатку. «Чпо-о-о-ок!» — резким движением он вдвигает в нее левую руку. «Чпо-о-о-к!» — правую. Можно идти к столу. Операционному.

Здесь сердце большое, сильное. Женщине сорок лет.

— Ножницы...

— Скальпель...

Видно, как Бокерия вырезает кусочек ткани, пинцетом передает медсестре. Взамен она что-то достает: похоже

на металлическое колесико.

— Хотите посмотреть? Вот так выглядит искусственный клапан. Между прочим, российского производства. Home made, так сказать, — кардиохирург позволяет себе улыбнуться секунд на десять и снова сосредоточенно принимается за работу.

Спринцовкой наполняют сердце воздухом. Оно надувается. Похоже на мешочек. Видны сосуды. Становится заметно: за годы выросла жировая ткань — белые полоски.

15.55.

Снова: «Греем!» Но что-то идет не так. Сердце не желает заводиться. Прибор отмечает его удары звуковыми сигналами. Пищит, опять замолкает. Молчит долго, выдает долгожданный писк. Врачи озадачены, постоянно смотрят на мониторы. Потом все налаживается. Разноцветные кривые начинают ползти как положено. Бокерия прощается с бригадой.

16.20.

Интервью продолжается.

— У вас много титулов, много должностей, хорошие отношения с властями. Вам кто-нибудь мешает работать?

— Такое тоже бывает. Вот, например, Лига здоровья нации объявляет о проекте «Армия без табака». И через некоторое время появляется бумага, что, дескать, Бокерия пробил эту акцию с помощью американской разведки, чтобы контролировать состояние дел в российской армии. Это же смешно! То же самое и с трансплантацией сердца.

— Что же здесь мешает?

— Создается общественное мнение, что будут убивать людей для того, чтобы делать пересадку сердца. Подозревают врачей в том, что мы возьмем сердце живого человека и пересадим его другому. Но на самом деле эта процедура продумана до мельчайших тонкостей. За восемь часов до того, как у донора возьмут сердце, делается разделительный тест, на котором присутствуют судмедэксперт и другие специалисты. Несколько человек, которые видят, что мозг мертв. Потом через восемь часов все снова повторяется. Это — международная практика, уже десятки тысяч пересаженных сердец сегодня. Взять, например, самую католическую страну — Испанию. Там церковь стала инициатором внедрения этой операции. Нет проблем ни в Италии, ни в Польше. А мы никак не можем сдвинуться с мертвой точки.

16.30.

Последняя операция на сегодня. Атмосфера уже не такая напряженная. Или мы просто привыкли?

Если смотреть со стороны, то не происходит ничего нового. У стола такая же бригада из четырех человек: Бокерия и медсестра с одной стороны, двое молодых ассистентов — с другой. Из-за масок даже не различишь, что лица другие.

На самом деле операции очень разные. Какие-то — рутинные, их проводили уже тысячи раз. Другие — абсолютно новые. В послужном списке Бокерия как минимум десятков операций, которые были проведены впервые в стране именно им. Но подробности скрываются за вереницей терминов, понятных только специалистам: «трансмокардиальная реваскуляризация», «имплантация кардиовертеров-дефибрилляторов», «динамическая кардиомиопластика»...

Из последних направлений, которые внедряют в Бакулевке, — эндоваскулярные операции. Операцию на открытом сердце хорошо выдерживает молодой организм. Пожилым людям часто отказывают в операции. А тут делается лишь малюсенький надрез в бедренной артерии, куда вводится катетер со сложным искусственным клапаном. Инструмент перемещается по сосудам и доходит до цели, а врачи отслеживают процесс на мониторе, отображающем сердце в формате 3D.

Медики так описывают свое изобретение: «Внешне операция лишена всякого эффекта. Никаких больших разрезов грудной клетки, никаких подключений к аппарату искусственного кровообращения... На память об операции пациенту на теле остается лишь отметина в три миллиметра».

Но такая операция запланирована на завтра. А пока традиционное:

— Скальпель...

— Промываем...

17.55.

В работе небольшая пауза, минуты полторы. Хирурги ждут, когда подключат какой-то аппарат. Бокерия пользуется передышкой:

— Прихожу как-то на рынок и прошу: «Дайте, пожалуйста, вражеского сыра». Продавец делает большие глаза: «Это какого?!» А я ему отвечаю: «Сулугуни, конечно».

Аппарат заработал. Бокерия снова становится серьезным.

18.25.

перация подходит к концу. Но сердце не хочет включаться.

— Пульс...

— Давление падает...

Прибор, следящий за состоянием больного, издает неприятный сплошной писк.

Бокерия берет в руки нечто напоминающее две большие металлические ложки с деревянными ручками. Медбрат что-то подкручивает на приборе. Лео опускает эти ложки прямо в грудную клетку. Командует:

— Разряд!

Тело слегка дергается. Писк тут же становится прерывистым. С первого удара током сердце заработало. Операция окончена.

19.05.

Снова кабинет директора. Бокерия выглядит относительно бодрым и готов отвечать на любые вопросы.

— Вы основную часть дня заняты на операциях. Плюс к этому у вас много общественных нагрузок, та же Лига здоровья нации. Как при этом удается управлять огромным институтом?

— Очень многое решают заведующие отделениями. Знаете, у нас нет сплетен и так далее... Когда кто-то из сотрудников каким-то образом прорывается ко мне и начинает мне что-то говорить, я отвечаю: «Послушайте, вы же понимаете, что я работаю с заведующими... Вам надо сейчас остановиться, этот разговор останется между нами, но на будущее зарубите себе на носу...»

— Есть ли вопросы, которые решаете только вы?

— Наверное, да. Это все, что связано с финансами. Когда я был заместителем директора, у нас пять человек имели право подписи на финансовых документах. Но сейчас на всех документах, связанных с деньгами, стоит только одна виза: «Оплатить. Л. А. Бокерия».

— Знаете, мы снова хотели спросить про время. Как на ваш взгляд — вы правильно его распределяете?

— Конечно, нет! Я — академик, директор института, лауреат многих премий, мне надо бы просто ездить на всякие побережья, разглядывать таких вот красавиц... А я... Я как проклятый! Конечно, это неправильно. Но так уж получилось в моей жизни.

Мы смотрим на часы. Время, отпущенное на интервью, закончилось.

Григорий Тарасевич, Анастасия Цибулевская

Автор: Артур Скальский © Русский репортер ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 3635 22.12.2009, 12:10 370

URL: <https://babr24.com/?ADE=82952> Bytes: 20927 / 20642 Версия для печати Скачать PDF

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:
newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Артур
Скальский.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](#)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](#)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](#)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](#)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)